

«Разрешение споров о нарушении права на частную жизнь как неотъемлемая часть практики Европейского Суда по правам человека: реальность и перспективы»

1. Введение.

Европейский Суд по правам человека – гарант неотъемлемости и неотчуждаемости основополагающих прав и свобод человека в современном мире, гарант охраны той части независимости человека от давления и сжатия его фундаментальных вольностей со стороны государства, надгосударственных образований или различных ассоциаций, которая провозглашена в международно-правовой доктрине. Для защиты базовых принципов построения отношений между государствами-участниками и гражданами (подданными) и ограничения вмешательства первых в личную жизнь вторых, Суд руководствуется положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), включая прилагающиеся протоколы. Но радиус её действия покрывает далеко не все складывающиеся правовые отношения между вышеназванными субъектами, а сам текст Конвенции зачастую трактуется очень широко, ведь она не только устанавливает ключевые права и свободы, но и допускает законное установление их ограничений при соблюдении определённых требований. Такая ситуация складывается потому, что Конвенция стремится примирить обе стороны и удовлетворить их интересы в равных долях, но её общие формулировки для разных государств с разными правовыми системами, режимами, политическими обстановками оставляют правовое пространство для возникновения различных конфликтов. Достаточно обратить внимание на самые резонансные дела из практики Европейского Суда по правам человека, и среди них сразу можно найти те, которые связаны напрямую с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, провозглашенного в статье 8 Конвенции.

2. Постановка проблемы: ситуация, сложившаяся вокруг статьи 8 Конвенции.

Сложность заключается в том, что уже формулировка самого права как возможности вызывает ряд практических правоприменительных вопросов. Например, сюда относится проблема полноты содержания этого права, а именно то, что часто под право на уважение частной и семейной жизни (точнее под сферу его действия) попадает множество других дел, которые, на первый взгляд, вообще не связаны со статьёй 8 Конвенции¹. Также и смысловая нагрузка части второй этой статьи интерпретируется органами государственной власти в свою пользу так, чтобы непосредственно расширить своё вмешательство в повседневные дела граждан и увеличить своё влияние в сфере информационной деятельности (именуемой в

¹ Например, задумывалась ли эта норма так широко, чтобы Европейский Суд рассматривал жалобу о нарушении статьи касательно права военнослужащих-мужчин на отпуск по уходу за ребёнком? См. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. Константин Маркин против России (Konstantin Markin v. Russia, жалоба N 30078/06).

документе корреспонденцией). Ни для кого не секрет, что многочисленные внутригосударственные службы безопасности зачастую прибегают к так называемым современным средствам обеспечения национальной безопасности, в которые непосредственно входят различные достижения научно-технического прогресса (программы, специальные коды, инструменты перехвата, архивирования информационных сообщений) для контроля над жизнедеятельностью граждан. В последнее время благодаря существенному увеличению роли информации в жизни людей многие постепенно начинают задаваться вопросом, правомерно ли такое поведение публичной власти. В большинстве случаев государственные органы правомочны осуществлять подобную деятельность, что регулируется специальными законодательными актами или решениями обладающих необходимой юрисдикцией судов, однако связанные с этим злоупотребления встречаются на каждом шагу. Логично задаться вопросом: существует ли предел государственного вмешательства и как его определить?

Да, он существует. Конечно, никаких чётких заградительных барьеров или границ не установлено, но Европейский Суд, играя роль арбитра в различных спорах, устанавливает определённые пределы вмешательства государства в частную жизнь населения. Суд не раз отмечал, что Конвенция имеет в своей структуре строгий баланс, и нельзя идеализировать исключительно права или исключительно институты демократического общества, не устанавливая между ними равновесия². Эта мысль вытекает ещё из Преамбулы, в которой сказано, что соблюдение «основных свобод зависит, с одной стороны, от подлинно демократической системы и, с другой стороны, от общего понимания и соблюдения прав человека».

Обращаясь непосредственно к богатой практике Европейского Суда по этому вопросу, можно столкнуться с сотнями разобранных дел. Например, с делом «Валашинас против Литвы (Valasinas v. Lithuania)», в котором Суд проводит ещё одну чётко сформулированную мысль, что «вмешательство должно быть «предусмотрено законом», преследовать правомерную цель и быть необходимым в демократическом обществе для достижения этой цели»³. В принципе, здесь тоже всё понятно, и нетрудно нащупать параллель с так называемым тестом на соразмерность (пропорциональность) ограничения прав человека, которым Европейский Суд обычно руководствуется. И во многих своих решениях Суд, анализируя позиции сторон, сталкивается с несоответствием средства и цели, а именно непропорциональности произведенного вмешательства и использованных для него

² Например, Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 г. Класс и другие против Германии (Klass and Others v. Germany, жалоба N 5029/71).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2001 г. Валашинас против Литвы (Valasinas v. Lithuania, жалоба N 44558/98).

способов государства-ответчика в частную жизнь заявителя поставленной цели, которая неразрывно связана с требованиями Конвенции (например, в деле «Аванесян против Российской Федерации (Avanesyan v. Russia)»⁴). Такими средствами в основном стали контроль над личной перепиской, вмешательство в опеку, контакт с заинтересованными лицами, хранение и архивирование личной информации, слежение за перемещениями граждан, перехват информационных сообщений, несанкционированный обыск. При этом практически любое современное демократическое государство обладает целым спектром возможностей и средств внутренней защиты, исключающих вмешательство в частную жизнь.

Огромное количество жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции говорит о том, что проблема нарушения права на частную жизнь через пользование личной корреспонденцией стоит довольно остро. Несмотря на то, что полученный вывод уже затрагивает глобальную проблему современного человечества, большое количество дел, рассмотренных Европейским Судом, связаны с локальным, разовым характером государственного вмешательства либо зависят от семейного права и соприкасаются с семейной тайной (в частности с опекой).

Наиболее животрепещущими в постиндустриальном обществе вопросами становятся те, которые связаны с перехватом сообщений, контролем над перепиской и хранением личной информации, то есть с техническим контролем над привычными любому человеку гаджетами и программами. Так, например, в Российской Федерации доступ правоохранительных органов к частным телефонным разговорам осуществляется с помощью специальных каналов прослушивания – компьютерной системы технических средств обеспечения выполнения функций оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ). Поэтому стоит обратить внимание на длительные, продолжающиеся, системные «слежки» государственных органов за жизнедеятельностью граждан в исключительно информационной среде, борьба с которыми набирает популярность у населения параллельно с растущим недовольством, ведь каждый человек, использующий, например, социальные сети, надеется на то, что беседа с другом о самом сокровенном или обмен колкостями в адрес первых людей государства не повлекут за собой никаких последствий.

3. Правоприменительные стандарты, установленные Европейским Судом в реальной практике.

В Отчёте, подготовленном Отделом по проведению исследований по прецедентной практике, связанной с Интернетом⁵, даётся перечисление тех сфер жизни человека, которые попадают под действие статьи 8 Конвенции. Сюда относятся тайна передачи информации, информационная тайна, включающая тайну обращения к определённым ресурсам, хранение

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 сентября 2014 г. Аванесян против Российской Федерации (Avanesyan v. Russia, жалоба N 41152/06).

⁵ <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=caselaw/analysis&c>

графических изображений личности и звуковых записей, полученных, в том числе, в общественных местах, наблюдение посредством глобальных систем, конфиденциальность общественных архивов. Особо подчёркивается, что секретное наблюдение за деятельностью населения должно быть строго ограничено специальными гарантиями для защиты истинной демократии, иначе граждане окажутся не застрахованными от произвольного вмешательства со стороны государства и, можно предположить, от неограниченного доступа к полученным данным со стороны других лиц. Как интерпретировалось это положение в реальной практике?

Первым довольно ярким примером такого разбирательства стала жалоба правозащитных организаций – ««Либерти» и другие против Соединенного Королевства (Liberty and Others v. United Kingdom)»⁶. Обстоятельства дела таковы: национальное законодательство, а именно Закон о перехвате сообщений 1985 года, позволяет министру внутренних дел выдавать разрешение на ознакомление с личными сообщениями в целях обеспечения национальной безопасности, при этом специально учреждённый трибунал (ИТС) становился гарантом от злоупотреблений власти, давая возможность оспаривать перехват. Правозащитные организации, утверждая, что их сообщения были перехвачены, пытались оспорить действия властей, но безуспешно, что позволило им обратиться в Европейский суд. Суд развивает довольно интересную мысль, что «само по себе существование законодательства, допускающего тайный мониторинг, содержит угрозу надзора для всех, к кому оно может применяться, и потому представляет собой вмешательство в права заявителей»⁷, затем рассматривает законодательно установленный механизм гарантий с максимально отстранёнными от граждан сведениями о перехватах. Он приходит к выводу, что процедура защиты на тот момент не была обеспечена в полной мере и имела указания на возможность нанесения ущерба национальной безопасности (признанной Конвенцией обоснованной целью), что допускало злоупотребления власти. Суд постановил, что нарушение статьи 8 Конвенции было допущено. В этом деле можно увидеть, что суд выстраивает линию «средство – цель – законодательство – гарантии». Тем самым он допускает государственное вмешательство, но старается создать четырёхступенчатый барьер для ограничения произвола.

Развитие этой же мысли применительно к другим обстоятельствам можно проследить в деле «Кеннеди против Соединённого Королевства (Kennedy v. United Kingdom)»⁸, где Европейский Суд выступил уже на стороне государства. Заявитель в данном деле прежде

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека (Вынесено IV секцией) от 01.07.2008. «Либерти» и другие против Соединенного Королевства (Liberty and Others v. United Kingdom, жалоба N 58243/00).

⁷ Там же.

⁸ Постановление Европейского суда по правам человека (Вынесено IV секцией) от 18.05.2010. Кеннеди против Соединённого Королевства (Kennedy v. United Kingdom, жалоба N 26839/05).

был осуждён за уголовное преступление и после отбытия наказания занялся бизнесом, в результате осуществления которого он обоснованно заподозрил, что государственные службы ведут за ним слежку. Обжалуя эти действия в вышеупомянутый трибунал ИРТ, он получил постановление об отклонении жалобы, означавшее, что контроль над его деловой перепиской, телефоном и электронной почтой был абсолютно справедлив. Европейский суд проанализировал национальное законодательство (Закон о регулировании следственных полномочий 2000 года (RIPA), дополненный Кодексом практики перехвата сообщений), которое позволяло перехватывать внутренние сообщения необозначенных заранее категорий лиц (при исключении неизбирательного перехвата, что само по себе явилось довольно сильной судебной защитой права граждан). При этом весь порядок перехвата сообщений был детально урегулирован, а именно была установлена длительность перехвата, условия хранения и уничтожения данных, строгое соответствие цели. Европейский суд решил, что применяемое средство полностью соответствует цели, а так же обеспечивает адекватные гарантии для защиты ограничиваемого права. Таким образом, суд пришёл к выводу, что в данном деле статья 8 Конвенции нарушена не была. Стоит отметить, что здесь государство с успехом прошло тест на соответствие благодаря тому, что законодательно предусмотрело нужные гарантии, и тем самым лаконично прошло всю выстроенную линию «фильтров».

Два этих дела очень показательны, потому что перехват производился одним и тем же государством (Соединённым Королевством) с одной допускаемой Конвенцией целью. Разница заключалась лишь в существующем на тот момент законодательстве, а точнее в гарантиях от произвольного вмешательства (в первом случае их фактически не было, что и повлияло на решение суда). Так как международный договор имеет большую юридическую силу, чем национальное законодательство, то по умолчанию считается, что вмешательство соответствует базовым принципам Конвенции, в частности, статье 18 (все ограничения, производимые государством, должны применяться исключительно в целях, названных в Конвенции). Напрашивается вывод: если перехват законодательно допустим и отрегулирован, созданы барьеры для максимального отстранения любого человеческого фактора от влияния на него (гарантии), суд не сможет найти там нарушения права на частную жизнь. Однако Европейский суд довольно широко трактует гарантии как таковые, включая туда не только судебную защиту, но и целый спектр различных мероприятий.

Об этом свидетельствует Постановление суда по делу «Класс и другие против Германии (Klass and Others v. Germany)»⁹. В обстоятельствах дела сказано, что заявители обжаловали немецкий закон G-10, который регулировал законные ограничения права на

⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 г. Класс и другие против Германии (Klass and Others v. Germany, жалоба N 5029/71).

частную жизнь и тайную корреспонденцию граждан. Он включал в себя пункты, согласно которым должностные лица могли не уведомлять людей, в отношении которых совершался перехват, во время процесса или даже по его окончании, что, по мнению заявителей, ограничивало их право на использование законных средств защиты. Основной вопрос ставился касательно гарантий (достаточно их или нет совсем) и самого средства (является ли оно необходимым в демократическом обществе). Исследовав национальное законодательство, Суд обратил внимание на то, что согласно G-10 в случае неоповещения ограничительные меры были исключены как угроза достижению цели (национальной безопасности), а вместо них был предусмотрен специальный защитный механизм – механизм независимого контроля со стороны Парламента и специально созданной для этого Комиссии, обращение в Конституционный Суд, которому соответствующие органы не могут отказать в предоставлении любой, в том числе секретной, информации. А если лицо было уведомлено о проведённом вмешательстве, то оно могло прибегнуть к судебной защите (поставить в суде вопрос о законности применения к нему G-10 и законности процедуры, требовать возмещения ущерба, обратиться в Конституционный Суд). Суд принял во внимание и факт соответствия средства цели и обстановке вокруг национальной безопасности (особенно уровень развития терроризма). Решение было принято в пользу государства-ответчика. Европейский Суд постановил, что предоставленные законодателем гарантии являются исчерпывающими, а сама процедура вмешательства соответствует заявленной цели и необходима в демократическом обществе. Это значит, что государство может оставить за собой право не уведомлять граждан и при этом не нарушить статью 8 Конвенции.

Таким образом, используя практику, собранную до 2011 года, можно прийти к выводу, что владельцы коммуникационных компаний всегда по требованию предоставляют данные о пользователях правительственным службам, что может вызвать спор. Также анализ вышераассмотренных дел показывает, что для принятия решения по жалобам о нарушении статьи 8 Конвенции Европейский суд сопоставляет законность такого вмешательства в соответствии с национальным законодательством (его наличие или отсутствие, соответствие положениям Конвенции, наличие гарантий) и его обоснованность и защищённость гарантиями.

Применялся ли выявленный тест «средство – цель – законодательство – гарантии» на практике относительно Российской Федерации? Если да, то какое решение принимал Европейский Суд?

4. Имплементация статьи 8 Конвенции в российскую правовую систему: судебная практика и текущее законодательство.

Совсем недавно завершилось многолетнее известнейшее разбирательство по делу "Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации" (жалоба N 47143/06)¹⁰. Роман Захаров – журналист из Санкт-Петербурга, председатель Фонда защиты гласности, ранее обращался в национальные суды с жалобой на трёх мобильных операторов, которые, по его мнению, прослушивали его телефонные переговоры с помощью специально установленных правоохранительными органами технических средств. В результате рассмотрения дела (в том числе в кассационном порядке в 2005-2007 годах), было принято решение, что Захаров не смог доказать сам факт прослушивания, на что он обратился с жалобой в Европейский Суд. Разбирательство в Суде началось с рассмотрения соответствующего национального законодательства, а именно с выяснения фактической стороны: существовало ли в Российской Федерации законодательство об ограничении права граждан на частную жизнь, отвечающее современным международно-правовым требованиям.

Европейский Суд определил, что статья 23 Конституции Российской Федерации имплементирует статью 8 Конвенции и гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и право на защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а ограничение этих прав допускается только на основании судебного решения. Это же положение конкретизируется в национальном законодательстве меньшей юридической силы. Именно оно предусматривает вмешательство в частную жизнь в рамках оперативно-розыскной деятельности в расследовании уголовных преступлений, а само прослушивание телефонных переговоров может вестись в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях исключительно на основании судебного решения. Собранные данные в случае невиновности лица хранятся и уничтожаются через один год, в случае виновности – по решению судьи, при этом для хранения данных могут быть использованы специальные системы. Операторы связи, в свою очередь, обязаны охранять тайну связи и также обязаны сотрудничать с правоохранительными органами по специально установленному в приказах соответствующих подразделений порядку, но не на основании судебного постановления. Судом были использованы и ратифицированные Российской Федерацией международно-правовые документы (Резолюция N 68/167 "Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век", принята Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2013 г., Конвенция о защите

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 04.12.2015 "Дело "Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации" (жалоба N 47143/06).

физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (CETS N 108 и похожие документы), Резолюция Совета от 17 января 1995 г. "О законном перехвате телекоммуникаций" N 96/C329/01) и судебная практика.

Власти Российской Федерации настаивали на том, что нарушения статьи 8 Конвенции не было, и существовали разумные судебные гарантии на внутригосударственном уровне. К тому же перед прослушиванием телефонных переговоров правоохранительные органы постоянно обращаются в суды для получения специального разрешения. При этом заявитель, ссылаясь на судебную статистику, привёл данные, что в 99% органы ОРД получали судебное разрешение на вмешательство, в то время как в этих случаях была возможность применить менее серьёзные меры, что становилось попыткой скрытого наблюдения за гражданами и не соответствовало целям современного демократического общества. Также он обратил внимание на фактическое отсутствие судебного постановления при обращении правоохранительных органов к операторам связи.

Именно в этом деле сам Европейский суд обобщил всю свою практику в информационном аспекте права на частную жизнь. Он вновь использовал тест «средство – цель – законодательство – гарантии», при этом установил ряд требований к каждому пункту. Средство (вмешательство) строго должно соответствовать пункту 2 статьи 8 Конвенции, равно как и цели (одна или несколько) должны быть действительно крайней мерой и необходимостью в демократическом обществе. Законодательство должно устанавливать основу вмешательства, которое должно быть совместимо с принципом верховенства права, то есть закон «должен быть доступен для заинтересованного лица и быть предсказуем в своих последствиях»¹¹. А гарантии «должны быть установлены в законе для того, чтобы избежать превышение полномочий властью о характере правонарушений, которые могут инициировать санкцию на прослушивание, определение категорий лиц, телефоны которых подлежат прослушиванию, ограничение на продолжительность телефонного прослушивания, порядок изучения, использования и хранения полученных данных, о мерах предосторожности при передаче данных другим лицам и обстоятельства, при которых записи могут или должны быть стерты или уничтожены»¹². Можно также отметить, что здесь Европейский суд проанализировал национальное (российское) законодательство, регулирующее прослушивание мобильных телефонов, и установил факт несоответствия его Европейской Конвенции.

Рассмотрев все эти позиции и использовав собственные выводы, Суд постановил, что вся созданная в национальном законодательстве система вмешательства имеет ряд

¹¹ Там же. Под предсказуемостью Суд понимает прозрачность установленных процедурных правил.

¹² Там же.

недостатков, не предоставляет достаточных гарантий и, как следствие, нарушает право заявителя на частную жизнь и тайну корреспонденции, провозглашённого в статье 8 Конвенции. Именно с этим делом, с этим судебным решением и с Российской Федерацией можно связать дальнейшие перспективы практики Европейского Суда. Почему?

В этом году с 20 июля вступили в силу изменения, вызванные подписанием Президентом Российской Федерации, Владимиром Владимировичем Путиным, так называемого «Пакета Яровой». Эти поправки к законодательству включают в себя довольно большой ряд жёстких антитеррористических мер. К ним относятся предоставление Федеральной службе безопасности возможности получать в своё распоряжение различные системы и базы данных на безвозмездной основе, включая удалённый доступ; расширение понятия «не сертифицированные средства связи» посредством включения туда средств кодирования (шифрования) при передаче сообщений в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"; ужесточение ответственности организаторов распространения информации в сети "Интернет" за неисполнение обязанности предоставлять в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности информацию, необходимую для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений; добавление обязанности мобильных операторов хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий, текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи - до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки и обязанности предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач; добавление для организаторов распространения информации в сети "Интернет" обязанности хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети "Интернет" и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий; текстовые сообщения пользователей сети "Интернет", голосовую информацию,

изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения пользователей сети "Интернет" до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки и предоставлять эту информацию и способы декодирования её ФСБ¹³.

Принятие этого закона уже всколыхнуло российскую общественность, ведь вышеперечисленные меры являются ничем иным как неизбежным перехватом миллиардов информационных сообщений и данных о пользователях. Это значит, что теперь по любому запросу органа исполнительной власти сотовые операторы и Интернет-провайдеры будут обязаны предоставить всю имеющуюся у них информацию или все базы данных. В законе совершенно отсутствуют какие-либо процессуальные гарантии для людей, чьи сообщения будут прочитаны и разговоры прослушаны, за исключением законов, которые будут приняты с целью ограничить деятельность ФСБ (что, на самом деле, само по себе является очень слабой гарантией). Не стоит отрицать, что меры направлены на уменьшение анонимности и вседозволенности пользователей Интернета и мобильной связи для более оперативного привлечения к ответственности, но закон практически не исключает возможности злоупотребления уполномоченных органов. Кроме того, после решения по делу Захарова Российская Федерация так и не создала отвечающего европейским принципам национального законодательства о перехвате и прослушивании сообщений.

Если пропустить поправки через тест Европейского Суда «средство – цель – законодательство – гарантии», то средство явно не оправдывает цели, оно не является необходимым в демократическом обществе хотя бы потому, что, заявляя цель борьбы с терроризмом¹⁴, совершенно не предусмотрен механизм использования этих информационных сообщений, не ясна реальная цель их хранения и, вероятно, архивирования на указанный в поправках срок. Так же не понятно, будет ли проводиться анализ этих сообщений, и если да, то всего ли объема или какой-то части, как будут оповещены пользователи. То есть в документе совершенно отсутствует конкретика, которая бы позволила считать такие нововведения приемлемыми и реально необходимыми и оправдывающими поставленную цель. Тест провален уже по первым двум пунктам, а значит, здесь прослеживается нарушение статьи 8 Конвенции – нарушение права на уважение частной и семейной жизни.

5. Заключение.

Так каковы же всё-таки перспективы? Можно предположить, что в недалёком будущем разбирательство споров о нарушении права на частную жизнь станет будничной, а

¹³ Федеральный закон от 06.07.2016 г. №374-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности.

¹⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.)

не резонансной практикой Европейского Суда, и далеко не последнюю роль государства-ответчика, нарушившего право на частную жизнь и тайну корреспонденции, в таких делах займёт Российская Федерация, если последующим законодательством не скорректирует в ближайшее время полученную правовую реальность и не устранил существенные пробелы с учётом опыта западных государств, максимально уточнив механизм вмешательства и создав реальные гарантии для граждан (как, например, рассмотренное выше Соединённое Королевство).

Библиографический список:

- Л. против Финляндии (Жалоба N 25651/94). Постановление Европейского Суда по правам человека (Четвертая секция) от 27 апреля 2000 г.
- К. и Т. против Финляндии (Жалоба N 25702/94). Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июля 2001 г.
- Ротару (Rotaru) против Румынии (Жалоба N 28341/95). Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 мая 2000 г.
- Кипр против Турции (Жалоба N 25781/94). Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 мая 2001 г.
- Решение Европейского Суда по правам человека от 23 января 2002 г. по вопросу приемлемости жалобы N 48321/99, поданной Татьяной Сливенко и другими против Латвии.
- Решение Европейского Суда по правам человека от 18 сентября 2001 г. "По вопросу приемлемости жалобы N 47095/99, поданной Валерием Ермиловичем Калашниковым против Российской Федерации".
- Валашинас (Valasinas) против Литвы (Жалоба N 44558/98). Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2001 г.
- Бенсаид (Bensaid) против Соединенного Королевства (Жалоба N 44599/98). Постановление Европейского Суда по правам человека (Третья секция) от 6 февраля 2001 г.
- Ниедбала (Niedbala) против Польши (Жалоба N 27915/95). Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2000 г.
- Ильхан (Ihan) против Турции (Жалоба N 22277/93). Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 2000 г.
- Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 11 2007 г.
- Троицкая А. А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.
- Гольдштейн Б. С., Крюков Ю. А., Хегай И. П. Инженерные аспекты СОРМ // Журнал «Вестник связи» №9 2005 г.
- Микеле де Сальвиа. Европейская конвенция по правам человека: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербург; 2004.
- Энтин Л.М. и др. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. Рук. авт. колл. и отв. ред. д. ю. н., проф. Л. М. Энтин. — 2-е изд., пересмотр, и доп. — М.: Норма, 2007.

- Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни-М.: МЗ-Пресс, 2001.
- Хужокова И.М. Право на частную жизнь в континентальной Европе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 4.
- Петрухин И. Л. Личные тайны (Человек и власть). М. : Институт государства и права РАН, 1998.